

ФРЕЙМ — ЕДИНИЦА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ПЕРЕВОДА

Н.С. Гусарова

Кафедра английского языка № 3
Факультет международной журналистики
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В практике перевода единица высказывания достаточно часто совпадает с необходимым и минимальным объемом для формирования единицы перевода. В основе дифференциации полного текста на фрагменты — единицы — лежит логика речемыслительного процесса, образность которого может быть интерпретирована посредством фреймовых структур.

Ключевые слова: стереотип, терминал, фрейм, трансфрейминг.

Речевое общение — опосредованный обмен образами сознания — в значительной степени основан на наличии у собеседников общности коммуникативно-релевантных знаний. А знания — это те сведения из разных сфер общественной жизни, которые становятся достоянием сознания индивида в процессе накопления им житейского, профессионального и коммуникативного опыта, то есть в течение всей его жизни.

Полученные в такой общественно-коммуникативной практике сведения преобразуются сознанием в особые структуры (или базы) данных, которые в целях прикладного моделирования удобнее рассматривать в терминах фреймов, предназначенных «для представления стереотипных ситуаций» [3. С. 7]. Во фрейме можно выделить два находящиеся в неразрывном единстве элемента: стереотипную ситуацию, то есть образ как целостное невербальное отражение действительности в сознании, и интерпретирующие данные, служащие для вербального выражения этого образа-стереотипа.

С позиций теории языка фрейм занимает центральное место в речевом общении людей и служит инструментом создания высказывания — символа мысли. Сообщить собеседнику что-то новое — значит отнести это новое к чему-то известному, включить наблюдаемое/воображаемое в класс знакомых уже явлений, то есть сделать частью типичной ситуации — стереотипа. Речевое общение — общение с использованием языковых символов — как раз и становится возможным вследствие общности знаний собеседников о типичных ситуациях. Это те знания, которые, помимо прочего, позволяют говорящему прогнозировать реакцию других членов социума на его речесозидательную деятельность — на его речевое поведение как внешнее проявление культуры, внутренней стороной которой являются знания.

Всякий конкретный случай речевого общения можно рассматривать как утверждение чего-то нового о чем-то известном. В этом плане стереотипная ситуация представляет собой тему высказывания. Ремой в таком случае можно считать созданное говорящим в каждом конкретном речевом произведении соотношение символизированных элементов: символизация известного знания, актуализирующая в сознании слушающего нужный стереотип, и символизация нового знания, позволяющая соотносить этот стереотип с конкретным событием действительности и его ментальным коррелятом в сознании.

Реальный и ментальный миры структурированы. Реальный мир образован сущностями, их взаимодействием и характеристиками. Протекающий во времени отрезок реальности, охватывающий эти элементы, рассматривается как событие. Если событие становится объектом познавательной деятельности, то в человеческом сознании оно получает свой психический (ментальный) коррелят — отражение или ситуацию, включающую в себя не только объективные признаки события, но и его субъективные эмоционально-оценочные и волевые составляющие.

Непрерывный процесс познания и постоянная необходимость в коммуникации становятся рамочным условием. При этом условии сознание человека создает стереотипы из участвующих в ситуации событий. Но это и есть фрейм — известный стереотип и данные для его языкового описания.

Речевая коммуникация основана на сравнении оперативного образа с имеющимися в памяти фреймами с целью подбора оптимального варианта: как с точки зрения имеющихся терминалов для замещения того или иного признака ситуации, так и в плане вариантов лексического наполнения терминалов для заданных условий общения. Таким образом, фрейм — инструмент создания высказывания, позволяющий символизировать мысленный образ.

Важным условием такой символизации является общность фреймов в сознаниях коммуникантов, то есть общность знаний. В условиях опосредованного двуязычного общения такая общность у собеседников чаще всего отсутствует, что вынуждает переводчика создавать другой символ мысли, которая, однако, уже символизирована исходным высказыванием. Здесь с необходимостью происходит пересимволизация, называемая нами трансфреймингом — трансформация между фреймами, заключающаяся «в переходе от одной группы данных к другой» [3. С. 63].

В высказывании присутствуют несколько типов фреймов, несколько групп данных. Во-первых, М. Минский выделял так называемые поверхностные синтаксические фреймы — «главным образом, это структуры с глаголами и существительными» [3. С. 62]. Мы считаем, что это фреймы, предназначенные для текстового (поверхностного) выражения субъективно-предикативных отношений высказывания. Далее логично предположить, что этот фрейм состоит из двух терминалов: субъектного и предикативного. Такое предположение кажется вполне оправданным, особенно если учесть, что событие реального мира — это процесс во времени (который, конечно, может быть по своей сути как действием, так и состоянием), а следовательно, и оперативный образ сознания, и фрейм-стереотип

включают в себя элементы, соответствующие деятелю и действию: в ситуации — соответствующие признаки структурных элементов ментальной невербальной модели, во фрейме — соответствующие терминалы. Вот пример:

Наши уже три дня как были в Рулеттенбурге [2. С. 355].

(1) **Die Unsrigen** befinden sich schon seit drei Tagen in Roulettenburg [6. С. 5].

(2) Unsere **Gesellschaft** ist schon seit drei Tagen in Roulettenburg [7. С. 5].

В данном случае для символизации образа сознания автором оригинала и переводчиками выбран стереотип, субъектно-предикатную структуру которого можно условно обозначить как «группа людей имеет местонахождение». Субъектный терминал этой структуры в оригинале и в одном из вариантов перевода основывается на признаке «принадлежность (группы людей) к социальной общности» и получает в высказываниях на ИЯ и ПЯ референцию по этому признаку с использованием соответствующего средства символизации: наши — die Unsrigen.

Во втором варианте перевода субъектный терминал фрейма (стереотипа) основан на признаке «коллективность», вербализуемом символом Gesellschaft. Таким образом, если в первом варианте перевода трансфрейминг сводится к формальной замене знаков разных систем, имеющих одинаковую семантику, то в втором варианте трансфрейминг связан с более глубоким преобразованием, заключающимся в выборе другого терминала (следовательно, другого признака) для символизации.

Этот пример показывает, что воспользовавшись тем же, что автор оригинала, фреймом, переводчик может использовать в этих рамках (в данном случае — фрейм «принадлежность к коллективу») такой же (наши — die Unserige) или альтернативный (наши — Gesellschaft) терминал. Критерием оценки степени межфреймовой трансформации, то есть того, вышел ли переводчик за рамки фрейма или остался в нем, изменив лишь терминал или просто заменив средства референции, является сохранение стереотипа: использование для символизации какого-либо признака одной и той же сущности (для поверхностных семантических фреймов — одного и того же действия и деятеля). Иными словами, переводчик может либо символизировать тот же самый терминал в рамках одного фрейма либо выбрать в рамках этого же фрейма другой терминал.

Не получившие символизацию терминалы фрейма становятся «заданиями отсутствия». Получатель сообщения должен сам догадаться об их содержании на основе имеющихся в высказывании символов. То есть переводчик имеет возможность в рамках одного фрейма по-другому комбинировать соотношение символизированного содержания и заданий отсутствия. При этом сам стереотип (составляющие его ментальные сущности) остается неизменным. Это видно во втором варианте перевода, где субъектному элементу поверхностного синтаксического фрейма «наши» в переводном высказывании соответствует символ «Gesellschaft»: если получатель оригинала должен догадаться, что ему сообщают о людях, а не о чем-то еще, что может быть «нашим», то получатель перевода должен понять, что здесь «Gesellschaft» — это группа людей, а не форма организации предприятия, например.

Перевод с позиции фреймовой структуры — это создание комбинации символизаций и заданий отсутствия в рамках переводного высказывания. Символизацию

здесь надо понимать как заполнение языковым знаком определенного терминала, включающего в себя определенные признаки (в терминологии М. Минского — маркеры) определенной сущности стереотипной ситуации (для поверхностного синтаксического фрейма — признаки действия и деятеля). И если переводчик использует для построения переводного высказывания тот же стереотип, что и автор оригинального текста, то единицей перевода становится терминал фрейма, служащий для представления этого стереотипа в коммуникативной практике носителей языка перевода.

Это принципиальный момент нашего исследования. То есть фрейм — структура данных для представления стереотипной ситуации, или: фрейм = стереотип + данные для его выражения (сеть терминалов). В коммуникативных практиках носителей разных языков и, следовательно, в их памяти могут присутствовать (и присутствуют) абсолютно одинаковые стереотипы, но данные для их представления в высказывания одинаковыми быть не могут — хотя бы из-за разницы в форме символов, не говоря уже об их семантическом и узуальном аспектах. Поэтому в дополнение к известным классическим исследованиям [5. С. 181; 1. С. 10] единицу перевода логично искать не в исходном, а в переводном высказывании. В развитие известных представлений о единице перевода постепенно вводится понятие фрейма в качестве такой единицы [4. С. 42].

Фрейм и терминал как единица перевода — это не нечто в исходном высказывании, что подлежит выражению средствами языковой системы, напротив, это инструмент переводчика, это приобретенные с коммуникативной практикой структуры, которые позволяют ему пересимволизировать в переводном высказывании то, что уже символизировано в высказывании исходном.

Модель процесса перевода с этой точки зрения во многом схожа с моделью речевой деятельности. Исходить надо из того, что переводчик — это человек, в определенной степени знакомый со средствами выражения иностранного языка и образцами речевого поведения его носителей, благодаря чему высказывание на иностранном языке вызывает в его воображении образ, в чем-то схожий с образом, принадлежавшим автору исходного высказывания: «...тематические структуры... вызываются из памяти с помощью ключевых слов...» [3. С. 62], то есть знакомый символ вызывает в сознании образ. Если высказывание подлежит переводу, то для возникшего под его воздействием образа переводчик подбирает фрейм, то есть стереотип и структуру данных, выражающих его средствами языка перевода.

Требование эквивалентности перевода предполагает, что фреймы, использованные автором оригинала и переводчиком, будут максимально схожи как по своим стереотипам, так и по сетям своих терминалов. Насколько же они реально будут схожи, зависит от степени совпадения возможностей средств языкового выражения языковых систем и от степени осведомленности коммуникантов о теме общения.

Другим элементом субъектно-предикатной структуры лежащего в основе высказывания стереотипа является предикатный терминал, символизированный в оригинальном высказывании знаком «были». Данный терминал охватывает

следующие признаки-маркеры: пребывание (1) группы лиц (2) в определенный момент в прошлом (3). В представленных переводах мы наблюдаем символизацию этого же элемента стереотипа с помощью средств референции “befinden sich” и “sind”. Обращает на себя внимание, что маркер числа в оригинале и в одном из вариантов перевода не совпадает. Тем не менее очевидно, что речь в исходном и переводном высказывании идет об одном и том же действии реальной действительности, одной и той же сущности образа стереотипа, а выбранные терминалы основываются на одном и том же свойстве сущности-действия — «пребывание».

Другим типом поверхностных фреймов являются поверхностные семантические фреймы — «группы слов, объединенных вокруг действий» [3. С. 62]. Сюда относятся «определители и отношения для действующих лиц, инструментов, траекторий, стратегий, целей, последствий и побочных явлений» [3. С. 62].

Логично предположить, что если поверхностный синтаксический фрейм — это сеть субъектных и предикатных терминалов для представления деятеля и действия стереотипной ситуации, то здесь речь идет об атрибутах деятеля и действия и, соответственно, о сети атрибутивных терминалов. Поскольку эти фреймы тоже являются поверхностными, то механизм их использования при создании оригинального и переводного высказывания идентичен синтаксическим фреймам, и мы позволим себе, принимая во внимание формат статьи, не иллюстрировать этот случай примерами.

Внимания заслуживает скорее другой случай — межфреймовый переход. Обратимся к приведенному примеру еще раз.

В оригинале и первом варианте перевода предикатный терминал синтаксического фрейма заполнен на основе признака «принадлежность» (наши — die Unsrigen). Во втором варианте перевода этот терминал заполняется на основе признака «группа людей» (Gesellschaft), в то время как признак «принадлежность» становится основой другого заполненного терминала, но уже не предикативного, а атрибутивного, входящего в состав семантического фрейма — сети атрибутивных терминалов (unsere).

Таким образом, поверхностные фреймы — сети терминалов, т.е. структуры данных, для представления сущностей стереотипной ситуации: деятеля, действия и их атрибутов. Их использование для создания высказывания сводится к подбору наиболее подходящей цели коммуникации сети к определенному стереотипу и последующему заполнению терминалов подходящими по семантике средствами символизации и, соответственно, незаполнению заданий отсутствия.

Использование поверхностных фреймов переводчиком в качестве единицы перевода заключается в подборе к стереотипной ситуации такой сети, терминалы которой представляют сущности стереотипа на основе тех же признаков, что имеются в оригинале. Кроме того, заполнить терминалы переводчик стремится теми средствами символизации, которые по своей семантике и структуре максимально близки средствам оригинала, при этом соотношение символ/задание отсутствия в оригинальном и переводном тексте должно, по возможности, совпасть.

Но фреймовая структура высказывания не ограничивается лишь текстовой поверхностью. Поверхностные фреймы представляют лишь то, что в высказыва-

нии символизировано. Но мы уже говорили, что в высказывании есть элементы, о смысле которых слушающий должен догадаться сам, без опоры на явную символизацию — так называемые задания отсутствия — элементы стереотипа, терминалы которых не заполняются знаком. По мнению М. Минского, существуют повествовательные фреймы — «скелетные формы для типичных рассказов, объяснений и аргументаций» [3. С. 63]. «Необходимыми здесь являются соглашения о формах построения повествований, о развитии действий, о главных действующих лицах, основных событиях и т.д., призванные помочь слушателю... конкретизировать задания отсутствия» [3. С. 63].

Ключевым моментом является именно типичность повествования, типичность высказывания. Речевой образец стал настолько частым в коммуникативной практике, что его полное развертывание до заполнения всех поверхностных терминалов является излишним, а задания отсутствия — очевидными. Проблема для переводчика состоит в том, что эта очевидность, вытекающая из коммуникативного опыта, неодинакова у носителей контактирующих в опосредованном общении языков. Вот еще пример:

Полина Александровна, увидев меня, спросила, **что я так долго?..** [2. С. 355].

(1) Als Polina Alexandrowna mich erblickte, fragte sie mich, **was ich denn so lange gemacht hätte...** [6. S. 5].

(2) Als Paulina Alexandrowna mich erblickte, fragte sie, **warum ich so lange weggeblieben sei** [7. S. 5].

В тексте оригинального высказывания наблюдаем заполнение субъектного и атрибутивных терминалов синтаксического и семантического фреймов. При этом предикатный терминал синтаксического фрейма становится в высказывании заданием отсутствия. Предполагается, что комбинация символизированных элементов будет достаточной, чтобы слушающий сам догадался о действии, о котором сообщается в высказывании. Комбинация символов в данном случае является типичной для коммуникативной практики носителей одного языка, это и есть типичная форма повествования — повествовательный фрейм.

В обоих переводах переводчики сочли необходимым полностью символизировать стереотип, не оставляя заданий отсутствия. Можно предположить, что причиной тому являлось либо отсутствие в коммуникативной практике носителей языка перевода типичной формы для представления такого знания, либо, что более вероятно, стремление переводчиков выполнить требование эквивалентности: в обоих переводах заполнен атрибутивный терминал «продолжительность» — *so lange*.

Нельзя не заметить, что стремление к эквивалентности, вынуждающее переводчиков заполнить все терминалы поверхностных фреймов, приводит к разным решениям, причем разным на уровне стереотипа: действия, символизированные знаками „*gemacht hätte*“ и „*weggeblieben sei*“, — это две разные сущности. Здесь мы наблюдаем два разных результата осознания одной и той же символизации: разные переводчики по-разному решают задание отсутствия, принимая за исходный стереотип разные типичные ситуации. Но и в том, и в другом случае переводчики

отказываются от использования повествовательного фрейма в пользу семантической близости исходного и переводных текстов: вместо некой типичной формы повествования происходит пересимволизация не только означенных элементов исходного высказывания, но и символизация заданий отсутствия оригинала.

Можно предположить, что использование повествовательного фрейма для создания высказывания заключается в том, чтобы в рамках выбранной сети терминалов создать такую комбинацию символов и заданий отсутствия, которая была бы типична для коммуникативной практики собеседника, позволяя на основе символов без труда решать задания отсутствия.

Использование повествовательного фрейма в качестве единицы перевода заключается в представлении стереотипа исходного высказывания типичным для носителей языка перевода способом, например, наиболее часто встречающейся в коммуникативной практике соотношением символов/заданий отсутствия. При невозможности использования повествовательных фреймов переводчик «расшифровывает» задания отсутствия, подвергая их символизации, используя в таком случае в качестве единицы перевода уже не повествовательный, а поверхностный фрейм. Если при использовании переводчиком поверхностных фреймов предметом перевода являются символизированные терминалы оригинала, то при использовании повествовательных фреймов таким предметом становится способ символического представления стереотипа, а действия переводчика сводятся либо к полной замене сети поверхностных терминалов, либо к символизации заданий отсутствия оригинала.

Еще одним типом глубинных фреймов, по мнению М. Минского, являются тематические фреймы — «это сценарии для видов деятельности, окружающих условий, изображений кого-либо или чего-либо, наиболее важных проблем, обычно связанных с данной темой» [3. С. 62]. Здесь речь идет именно о сценарии для представления определенной ситуации, то есть о том, какие деятели, действия и атрибуты (то есть сущности) существуют в стереотипе и для представления каких событий они предназначены. Теоретически одному и тому же событию реальности и одному и тому же оперативному образу сознания могут соответствовать разные стереотипы для последующей символизации, выработанные сознаниями разных индивидов, в том числе принадлежащих к разным лингвокультурными сообществам. Например:

Генерал **смотрел** **чрезвычайно независимо**... [2. С. 355]

(1) Der General **zeigte eine sehr stolze, selbstbewußte Miene**... [6. S. 5]

(2) Der General **schaute mich sehr kühl an**... [7. S. 5]

Ряд высказываний могут представлять ситуацию на основе разных стереотипов, то есть разных сущностей: действий, деятелей, атрибутов. Разность сущностей определяется разностью свойств, то есть существенных признаков элементов стереотипа. Так, в представленных оригинале и вариантах перевода «смотрел» и „zeigte“ — это совершенно разные по своей природе действия, равно как «чрезвычайно независимо», „sehr stolze, selbstbewußte“ и „sehr kühl“ — совершенно разные атрибуты.

Логично предположить, что именно с подбора такого стереотипа начинается создание всякого высказывания. Это и есть речевая мысль — сопоставление отражаемого в сознании события со стереотипами памяти с целью выбора наиболее подходящего к цели коммуникации для последующей символизации. Для представления одного и того же события разные индивиды могут выбрать разные стереотипы, хотя бы потому, что не может быть двух идентичных состояний сознания, как не может быть двух одинаковых личностей.

Использование тематического фрейма в качестве единицы перевода позволяет переводчику выбрать для построения высказывания стереотип, отличный по своему сущностному наполнению от того, который использует автор оригинального текста. При этом чтобы получившееся в результате такой замены высказывание действительно могло считаться переводом, оно должно иметь некий общий элемент с оригиналом, некий ни при каких условиях не подвергающийся изменениям инвариант глубинного содержания.

За такой инвариант можно принять событие реальной действительности, к которому обращено внимание говорящего в процессе создания высказывания. При этом, если в оригинальном высказывании представлены знания о событии, которое непосредственно наблюдается говорящим или смоделировано его воображением, то в переводном высказывании представлены знания о событии, которое переводчик, как правило, моделирует усилием воображения на основе восприятия оригинального высказывания-символа речевой мысли автора.

Следовательно, даже такая инвариативность, как инвариативность описываемого события, которая кажется окончательной и неизменной, тоже может быть относительной: символизировать то, что непосредственно воспринято или смоделировано — это не то же самое, что символизировать (пересимволизировать) то, что смоделировано опосредовано через другой символ, поскольку степень соответствия реальной действительности у восприятия/воображения и воображения на основе догадки будет разная, и лучшее доказательство этому — неидентичность двух вариантов перевода одного и того же оригинала и возможные ошибки переводчика.

Фрейм — ментальное образование, совмещающее в себе стереотипный образ и структуру данных для его представления. Он позволяет говорящему символично и кратко выразить в высказывании переживаемое состояние сознания. Посредством фрейма переводчик имеет возможность провести пересимволизацию, которая может быть проведена с помощью комплекса переводческих действий, включающих в себя замену средств символизации, межфреймовую трансформацию, замену сети терминалов, замену комбинации символ/задание отсутствие, замену стереотипной ситуации. Использование фрейма в процессе создания высказывания — оригинального и переводного — позволяет интерпретировать его как единицу — единицу речи и единицу перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: ЛКИ, 2008.
- [2] Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные; Игрок: Романы. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 1998.

- [3] Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М.: Энергия, 1979.
- [4] Семенов А.Л. Теория перевода. М.: Академия, 2013
- [5] Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: ООО «Филология Три», 2008.
- [6] Dostojewski F.M. Der Spieler. Köln: Anaconda Verlag, 2005.
- [7] Dostojewskij F.M. Der Spieler. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2007.

FRAME AS A PROPOSITION AND TRANSLATION UNIT

N.S. Gusarova

English Language Department № 3
International Journalism School
Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University), Ministry of Foreign Affairs of Russia
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

In the practice of translation the unit of a proposition frequently coincides with the necessary and minimum volume to form the unit of translation. The logic of thought-to-speech process, which figurativeness may be interpreted by using frame structures, underlies the division of the full text into segments-units.

Key words: stereotype, terminal, frame, transframing.

REFERENCES

- [1] Barchudarov L.S. Yazyk i perevod. M.: LKI, 2008.
- [2] Dostoyevskiy F.M. Unizhennyye i oskorblennyye; Igrok: Romany. M.: AST; Charkov: Folio, 1998.
- [3] Minski M. Freymy dlya predstavleniya znaniy: Per. s angl. M.: Energiya, 1979.
- [4] Semenov A.L. Teoriya perevoda. M.: Akademiya, 2013.
- [5] Fedorov A.V. Osnovy obschey teorii perevoda. M.: ООО «Filologiya Tri», 2008.
- [6] Dostojewski F.M. Der Spieler. Köln: Anaconda Verlag, 2005.
- [7] Dostojewskij F.M. Der Spieler. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2007.